

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080029958-0

«МЫ ЭГОИСТЫ; МЫ БУДЕМ СРАЖАТЬСЯ ТОЛЬКО ЗА СЕБЯ...»
МИССИЯ В.П. ПОТЕМКИНА В АНКАРУ (29.04–06.05.1939)
И ТУРЕЦКАЯ ПОЛИТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЯСА БЕЗОПАСНОСТИ
ВБЛИЗИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦ В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.¹

© 2024

А.Д. ВАСИЛЬЕВ ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2947-4413; advasilyev@mail.ru

Резюме: В статье рассматриваются усилия руководства Турецкой республики по обеспечению национальной безопасности в середине – второй половине 1930-х гг. В условиях роста военной напряженности в Европе во второй половине 1930-х гг. и эвентуальной итальянской угрозы турецкое руководство искало способы обеспечить национальные интересы и отодвинуть угрозу войны от турецких границ. Система международных военно-политических альянсов и двусторонних пактов рассматривалась турецкими дипломатами как достаточная гарантия суверенитета и предотвращения продвижения войны к территории Турции. Одной из тенденций стало изменение внешнеполитической ориентации Турции с опоры только на Советский Союз на связи с Англией. Существенное влияние оказывало и то, что основным торгово-экономическим партнером Турецкой Республики оставалась Германия. В условиях роста политической напряженности в Европе и раздела Чехословакии советское правительство предложило провести взаимную консультацию по вопросам безопасности и возможного противостояния агрессору. 29 апреля 1939 г. в Анкару был направлен заместитель Народного комиссара иностранных дел Владимир Петрович Потемкин. Основной темой обсуждения в Анкаре было заключение многостороннего пакта о взаимопомощи и безопасности на фоне растущей немецко-итальянской экспансии. Формальная цель миссии, сформулированная В.М. Молотовым, – проведение взаимной консультации представителей Турции и СССР и обсуждение возможных мер защиты от агрессии. Миссия была инициирована в условиях международного кризиса – захвата Чехословакии гитлеровской Германией и немецкого ультиматума Румынии, и обсуждения СССР, Англией и Францией совместного оборонительного пакта. Несмотря на оказанные В.П. Потемкину пышный прием и восточное гостеприимство, переговоры в Анкаре оставили у советского руководства привкус недосказанности и ощущение завуалированного торга, дав четкое понимание того, что в грядущей мировой войне Турция, несмотря на выстраиваемую ее руководством систему международных оборонительных пактов по периметру страны, будет руководствоваться принципами национального эгоизма.

Ключевые слова: СССР, Турция, Вторая мировая война, Российско-турецкие отношения.

Для цитирования: Васильев А.Д. «Мы эгоисты; мы будем сражаться только за себя...» Миссия В.П. Потемкина в Анкару (29.04–06.05.1939) и турецкая политика формирования

¹ Автор приносит самую искреннюю благодарность научному руководителю Института востоковедения РАН, академику В.В. Наумкину и директору РГАСПИ П.П. Скорospelову за помощь и ценные указания при подготовке данной статьи.

пояса безопасности вблизи национальных границ в середине 1930-х гг. *Восток (Oriens)*. 2024. № 2. С. 155–164. DOI: 10.31857/S086919080029958-0

“WE ARE SELFISH; WE WILL FIGHT ONLY FOR OURSELVES...”

V.P. POTEKIN'S MISSION TO ANKARA (04.29–05.06.1939)

AND TURKISH POLICY OF FORMING A SECURITY BELT
NEAR NATIONAL BORDERS IN THE MID-1930s

© 2024

Alexander D. VASILYEV ^a

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2947-441; advasilyev@mail.ru

Abstract: *In the context of growing military tension in Europe in the second half of the 1930s and the eventual Italian threat, the Turkish leadership was looking for ways to ensure national interests and push the threat of war away from the Turkish borders. Turkish diplomats viewed the system of international military-political alliances and bilateral pacts as a sufficient guarantee of sovereignty, preventing the advance of war to the Turkish territory. One of the trends was a change in Turkey's foreign policy orientation from relying only on the Soviet Union to connections with England. The fact that Germany remained the main trade and economic partner of the Turkish Republic also had a significant impact. In the context of growing political tension in Europe and the division of Czechoslovakia, the Soviet government proposed holding mutual consultations on security issues and possible opposition to the aggressor. On April 29, 1939, Deputy People's Commissar for Foreign Affairs V.P. Potemkin was sent to Ankara. The main topic of discussion in Ankara was the conclusion of a multilateral pact of mutual assistance and security against the backdrop of growing German-Italian expansion. Despite the assistance provided by V.P. Potemkin, the negotiations in Ankara left the Soviet leadership with a taste of understatement and a feeling of veiled bargaining, giving a clear understanding that in the coming world war, Turkey, despite the system of international defensive pacts built by its leadership along the perimeter of the country, would be guided by the principles of national selfishness.*

Keywords: USSR, Turkey, Second World War, Russian-Turkish Relations.

For citation: Vasilyev A.D. “We Are Selfish; We Will Fight Only for Ourselves...” V.P. Potemkin's Mission to Ankara (04.29–05.06.1939) and Turkish Policy of Forming a Security Belt near National Borders in the mid-1930s. *Vostok (Oriens)*. 2024. № 2. Pp. 155–164. DOI: 10.31857/S086919080029958-0

Российско-турецкие отношения не раз становилась объектом рассмотрения, однако миссия В.П. Потемкина остается одним из малоисследованных сюжетов в их истории [Болдырев, 2022, с. 29–39]. В 1930-е гг. генеральная линия внешнеполитического курса Турции состояла в том, чтобы прежде всего обеспечить сохранение статуса суверенного государства. Этого статуса она добилась в результате ожесточенной национально-освободительной войны, и этот статус был закреплён Московским и Карским мирными договорами 1921 г., а также Лозаннским мирным договором 1923 г. Советско-турецкое сотрудничество во время национально-освободительной борьбы заложило прочную основу для дружественных отношений двух стран в 1920-е – 1930-е гг. Во время мирового экономического кризиса конца 1920-х гг. оно получило мощный импульс к дальнейшему

развитию [Наумкин, Скороспелов, 2024]. Вместе с тем, постепенное урегулирование некоторых спорных политических, территориальных и экономических вопросов между Турцией и западными державами способствовало формированию новой внешнеполитической ориентации турецкого руководства на франко-английский блок. Турецкая дипломатия стремилась совмещать сближение с Англией и Францией со ставшим уже традиционным курсом на дружбу с Советской Россией, которая считалась «самым сильным соседом Турции» [*Olaylarla Türk Dış Politikası*, 1965, p. 102]. В этот период развития Турции ее руководство считало основной внешнеполитической угрозой итальянский экспансионизм. Стремление фашистской Италии доминировать на Средиземном море, расширять свою сферу влияния на Балканах воспринималось турецкими правящими кругами как угроза. Многие представители правящего класса Турции еще помнили итальянскую оккупацию Анталии, Коньи, Эскишехира и претензии на Измир.

Формирование оси «Рим–Берлин» рассматривалось турецкими правящими кругами как опасность, во-первых, в связи с экспансионистскими устремлениями Италии (владевшей островами Эгейского моря и называвшей Средиземное море «нашим морем»), и во-вторых, исходя из исторического опыта Первой мировой войны и союза с Германией. Как отмечают турецкие исследователи, в сложившейся обстановке Турция «нуждалась в помощи как западных стран, так и СССР» [*Olaylarla Türk Dış Politikası*, 1965, p. 93]. В начале 1934 г. Турция получила советский кредит на 8 млн долл. для создания ряда предприятий легкой и средней промышленности [*Документы внешней политики СССР*, 1971, с. 58–64]. Министр иностранных дел Турции Т.Р. Арас рассматривал данный кредит не как коммерческий заем, а как акт политической помощи Турции. Советские специалисты подготовили по просьбе Премьер-министра И. Иненю развернутую программу индустриализации, первым этапом которой было строительство текстильных фабрик [*Документы внешней политики СССР*, 1969, с. 200]. Однако, советские возможности помощи были ограничены [*Документы внешней политики СССР*, 1974, с. 491–492]. Косвенным следствием предоставления советского кредита стал выход Турции из финансовой блокады, которая проводилась в ее отношении рядом западных финансово-промышленных групп.

Учитывавшие горький опыт Первой мировой войны, руководители Турции (и лично М.К. Ататюрк) считали лучшим способом сохранения суверенитета страны нейтралитет. В то же время национальную безопасность и рост внешнеполитического влияния страны должны были обеспечить военно-политические блоки Турции с сопредельными странами. Подобными блоками стали Балканская Антанта (как противовес устремлениям Италии и Болгарии) и Ближневосточная Антанта (для решения курдской проблемы). В отношениях с СССР Турецкая республика опиралась на договор о дружбе от 1925 г.

Несмотря на то, что турецкая сторона информировала СССР о проекте соглашения Балканской Антанты, НКВД выражал опасение, что оно может впоследствии привести к нежелательным осложнениям между СССР и Турцией. М.М. Литвинов полагал, что пакт выходит за пределы Балкан и затрагивает также вопрос о Бессарабии, которая оставалась яблоком раздора между Советским союзом и Румынией. В январе 1934 г. Премьер-министр Турции И. Иненю имел беседу с полномочным представителем СССР в Турции Я.З. Сурицем, во время которой он признавал совершенно законным и естественным желание предостеречь Турцию от перспективы быть втянутой в какой-либо военный конфликт [*Документы внешней политики СССР*, 1971, с. 15–16]. И. Иненю заявлял о своих колебаниях и о том, что «с нелегкой душой» он шел на подписание этого акта. Он утверждал, что неучастие Турции в этом пакте отрезет ее от происходящего на Балканах и грозит ей политической изоляцией [*Документы внешней политики СССР*, 1971, с. 15–16]. Несмотря на то, что турецкое руководство информировало НКВД о переговорах участников Балканской

Антанты (Греция, Турция, Югославия, Румыния), М.М. Литвинов предлагал турецкому руководству сделать письменное заявление, которое должно быть формально присоединено к пакту, о том, что ни в коем случае Турция не будет считать себя обязанной участвовать в каких-либо действиях, направленных против СССР. Отношение советского руководства к этому пакту было негативным [*Документы внешней политики СССР*, 1971, с. 776–777].

Во время встречи с Л. Караханом, назначенным советским полпредом в Анкару в 1935 г., М.К. Ататюрк признал, что основная опасность миру – это Германия. В то же время он понимал зависимость турецкой экономики от экспорта ее продукции в Германию [*Документы внешней политики СССР*, 1973, с. 177]. Лучшую гарантию мира Кемаль видел в консолидации сил Франции, СССР, Малой и Балканской Антанты [*Документы внешней политики СССР*, 1973, с. 177].

Попытки создать противовес Италии в Средиземноморье привели к сближению Турции и Англии [Esmer, 1959, p. 223]. Улучшение отношений с Англией и Францией и дружба с Советским Союзом позволили турецкому руководству инициировать процесс пересмотра важнейшего для Турецкой республики вопроса о суверенитете над проливами. Из-за неготовности турецких дипломатов учесть советские интересы в начале переговоров в Монтре взаимное доверие пошатнулось [*Россия и Черноморские проливы*, 1999, с. 435]. В то же время, наметившееся укрепление политических связей с Англией было дополнено в сентябре 1936 г. экономическими договоренностями [*СССР и Турция*, 1981, с. 140].

Для советской дипломатии невыясненность отношений Турции и Англии во второй половине 1930-х гг. стала приобретать характер стратегического недоверия. Возможность закулисных переговоров турецкого и английского правительств по вопросам, представляющим интерес для СССР, полагалась весьма вероятной и рассматривалась как угроза.

8 июля 1937 г. Т.Р. Арас подписал в Тегеране Саадабадский пакт, в котором, помимо Турции, участвовали Иран, Афганистан и Ирак. Ведущую роль при формировании пакта сыграла Великобритания [Esmer, 1953, p. 248]. Несколько ранее в мае 1937 г. было заключено англо-турецкое соглашение о предоставлении Турции английского кредита в размере 10 млн ф.ст. [*СССР и Турция*, 1981, с. 146]. Из Тегерана Т.Р. Арас вылетел в Москву, чтобы убедить советское руководство в том, что пакт не направлен против СССР и преследует исключительно обеспечение безопасности юго-восточных границ Турции. Он откровенно говорил: «Мы обеспечим себя на Востоке до самой Индии Саадабадским пактом, на Средиземном море против Италии договором с Грецией, а попытки Германии наступать на нас с Балкан ни к чему не приведут, т.к. она оторвется от своей базы» [*Год кризиса*, 1990, с. 53]. В то же время при согласовании текста совместного коммюнике по итогам встречи он настаивал на смягчении формулировок, чтобы не «задеть» Германию и Италию [*Документы внешней политики СССР*, 1976, с. 383].

Таким образом, во второй половине 1930-х гг. Турция стала рассматривать систему международных пактов как инструмент обеспечения собственной безопасности. В то же время национальная экономика только начинала восстановление, и турецкое правительство стремилось сохранить тесные экономические отношения с Германией, на которую приходилось более половины турецкого экспорта.

Ухудшение здоровья М.К. Ататюрка и неожиданная отставка И. Иненю с поста премьер-министра в сентябре 1937 г. оказали негативное влияние на развитие дальнейших отношений между СССР и Турцией. Новый премьер-министр Дж. Баяр был сторонником ориентации на Запад и имел тесные связи с германскими торгово-экономическими кругами. Советские дипломаты отмечали, что кабинет Дж. Баяра более не придает отношениям с СССР того значения, что имело место в начале 1930-х гг. Весной 1938 г. началось усиление торгово-экономических связей Германии и Турции. Турецкое правительство получило

кредит в размере 150 млн марок сроком на 10 лет для покупки германских промышленных товаров.

Заключение мюнхенского соглашения 29 сентября 1938 г. было воспринято турецкими дипломатами с облегчением. Министр иностранных дел Турции Т.Р. Арас в беседах с советским полпредом А.В. Терентьевым выражал уверенность, что «мюнхенская конференция на некоторое время, хотя бы примерно на пять лет, отсрочила возможность возникновения войны и создала обстановку передышки» [*Документы внешней политики СССР*, 1977, с. 564]. В то же время он утверждал, что является «решительным противником принципа коллективной безопасности... и спасение мира видит в нейтралитете каждой страны» [*Документы внешней политики СССР*, 1977, с. 575]. Таким образом турецкая дипломатия реагировала на фактический развал Малой Антанты, который означал начало разрушения той политики коллективной безопасности, за которую еще недавно ратовал Т.Р. Арас, предполагавший обеспечить национальную безопасность с помощью эвентуального участия в региональных военно-политических блоках.

После смерти М.К. Ататюрка советские дипломаты заверили И. Иненю, что его избрание рассматривается в СССР как гарантия незыблемости дружественного сотрудничества Турции с СССР [*Документы внешней политики СССР*, 1977, с. 627]. В то же время их турецкие собеседники, подчеркивая незыблемый характер советско-турецкой дружбы, намекали, что хотя и желали бы в целях укрепления экономического и военного потенциала Турции использовать «только ресурсы СССР», но вынуждены прибегать к кредитам со стороны Англии и в последнее время Германии, которая оставалась важным рынком сбыта турецких марганца и хрома. При этом утверждалось, что экономическая взаимосвязь якобы не налагает на Турцию никаких политических обязательств [*Документы внешней политики СССР*, 1977, с. 645–647]. Такое положение порождало серьезное стратегическое недоверие между СССР и Турцией.

В связи с германской угрозой Балканам после оккупации Чехословакии и ультиматумом Румынии полпред СССР в Турции по указанию НКВД встретился с Ш. Сараджоглу и проинформировал его о советском предложении созвать в Бухаресте международное совещание с участием СССР и Турции для принятия неотложных мер против дальнейшей агрессии Германии. Однако английское правительство посчитало эту инициативу преждевременной, в связи с чем конференция не состоялась. В апреле 1939 г. начались переговоры о заключении между Англией, Францией и СССР договора о взаимопомощи. В соответствии с предполагавшимся договором, стороны обязывались бы прийти на помощь друг другу в случае агрессии в Европе против одной из этих стран, а также Польши, Румынии, прибалтийских государств, Турции и Бельгии. Наряду с переговорами с Англией и Францией советское правительство инициировало консультации с представителями Турции по данному вопросу. 15 апреля 1939 г. В.М. Молотов направил временному поверенному в Турции телеграмму с предложением президенту И. Иненю в связи с новой ситуацией, складывающейся в районах Балкан и Черного моря (захват Италией Албании, проникновение Германии в Румынию), провести взаимную консультацию представителей Турции и СССР и наметить возможные меры защиты от агрессии [*СССР в борьбе за мир*, 1971, с. 333].

Такая консультация состоялась 29 апреля – 5 мая 1939 г. в Анкаре, куда прибыл заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин. О визите неоднократно упоминалось в тюркологической литературе в связи с его политической важностью [*СССР и Турция*, 1981, с. 150–153; Гасанлы, 2008, с. 46–47], однако отдельного исследования, посвященного ему, не имеется.

Приезд В.П. Потемкина в Анкару 29 апреля 1939 г. был обставлен чрезвычайно парадно. Помпезность и особая торжественность приема создали у заместителя руководителя

НКИД впечатление специально созданной шумихи вокруг его приезда, направленной на извлечение репутационных выгод турецкой стороной.

«Деловой разговор» с Ш. Сараджоглу начался тем же вечером. Сараджоглу ознакомил советских дипломатов с «главными этапами» своих переговоров с англичанами и французами. По мнению В.П. Потемкина, Ш. Сараджоглу сообщил лишь то, что уже и так было известно в Москве; однако, были и дополнительные нюансы. Например, англичане начали переговоры с турками только тогда, когда Румынии был предъявлен немецкий ультиматум.

Создавалось впечатление, что англичане ведут переговоры с целью лишь создать видимость формирования широкой антигитлеровской коалиции. Через английского посла в Анкаре Ш. Сараджоглу сообщили, что Англии было бы легче ответить на обращение Румынии с просьбой о помощи, если бы английскому правительству было известно, что могли бы помочь Румынии Балканская Антанта и Польша. В ответ Ш. Сараджоглу сообщил, что сама Румыния к Турции не обращалась, но Турция готова обсудить с Англией способы помощи. На другой день английский посол разъяснил, что ультиматум Румынии Германия не предъявляла, но по вопросу о возможной помощи Румынии послу якобы будет дано указание, которое он впоследствии сообщит туркам. Никаких указаний в последующем посол не получил [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 161–162].

В то же время румынский министр иностранных дел Г. Гафенку приехал в Стамбул для встречи с Ш. Сараджоглу и сообщил, что Румыния уже получила одностороннюю гарантию от Англии против Германии, и желала бы иметь такую же со стороны Турции, и даже всей Балканской Антанты [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 162–163]. Фактически это означало бы, что участники Балканской Антанты, защищая Румынию, имели бы поддержку со стороны Англии. Ш. Сараджоглу ответил на это, что Турция предпочитает договариваться с Англией непосредственно. Он и Н.Р. Менеменджоглу уверяли В.П. Потемкина, что предложение Гафенку было «инспирировано» англичанами, не решившимися брать на себя прямые гарантии Турции [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 163]. Это подтверждало советские подозрения в отношении истинных намерений Англии, не желавшей создания реальной антигитлеровской коалиции и затягивавшей принятие решения.

Дальнейший этап переговоров Ш. Сараджоглу с западными державами был связан с нападением Италии на Албанию. Правительство Албании в поисках защиты против Италии обратилось к Турции с просьбой осведомиться у Англии и Франции, можно ли рассчитывать на их защиту. В ответ Англия и Франция запросили Турцию, будет ли она помогать Албании. В свою очередь Сараджоглу ответил, что Турция ограничится ролью посредника [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 163].

Следующий этап, о котором Сараджоглу рассказал В.П. Потемкину, и который был неизвестен в Москве, касался запроса Премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена от 12 апреля о том, может ли он в своих гарантиях Греции от имени Англии и Франции заявить, что те же гарантии даются и Турцией. Сараджоглу ушел от прямого ответа, сказав, что без решения Меджлиса решить такой вопрос не может, а Меджлис пожелает узнать, что Турция получит взамен. Чемберлен в результате заявил, что Англия и Франция уведомили Турцию о гарантиях Греции. Через несколько дней, когда Англия предложила присоединиться к англо-французским гарантиям Греции, осторожный Ш. Сараджоглу пожелал уточнить, с какой стороны предвидится угроза и что подразумевается под взаимопомощью. В ответ ему было заявлено, что соглашение заключается не только против Италии, но и против Германии. Сараджоглу спросил, ведутся ли переговоры с СССР, но ответа от английского посла не получил [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 164–165]. Тогда Ш. Сараджоглу сделал английскому послу заявление: во-первых, интересы Англии и Турции на Балканах и в Средиземном море совпадают; во-вторых, так как в случае противодействия агрессорам

они кинутся в первую очередь на проливы, Турция хотела бы обеспечить себя эффективной помощью Англии; в третьих, пока Турция не будет обеспечена такой помощью, она считает необходимым сохранять для внешнего мира позицию нейтралитета [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 165]. Последний пункт создал у английского правительства впечатление, что можно будет добавить к открытому соглашению секретную часть, однако Ш. Сараджоглу заявил, что на секретный договор Турция не пойдет, и более того, что при защите проливов невозможно обойтись без помощи СССР [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 165]. Подобный шаг был предпринят Сараджоглу для того, чтобы выяснить состояние англо-советских переговоров. Особое внимание Сараджоглу уделял тому, чтобы привлечь Болгарию на сторону антигитлеровской коалиции. Он запрашивал английского посла, может ли Англия помочь достичь соглашения между Румынией и Болгарией о Добрудже. Он утверждал, что в противном случае соглашение Турции, Франции, Англии и СССР о противодействии агрессору на Балканах и в Средиземном море отбросит Болгарию в сторону Германии. По словам Сараджоглу, ответ англичан был уклончивым. Они обещали рассмотреть возможности оказания помощи Турции при защите проливов, а также оказать содействие стремлению Турции привести Румынию и Болгарию к договоренностям о Добрудже. Утверждалось, что переговоры Англии и СССР протекали благоприятно [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 165–166]. Накануне приезда В.П. Потемкина 25 апреля, прошло заседание партийной группы Меджлиса, принявшей ряд решений, которые Сараджоглу был уполномочен донести до англичан. Если все прочие условия, выдвигавшиеся Турцией, будут приняты, она согласна на оказание помощи Англии и Турции друг другу в случае нападения Италии. В случае агрессии на Балканах Турция будет оказывать помощь Англии лишь в том случае, если эта агрессия будет представлять опасность для нее самой. Англо-турецкое соглашение о взаимной помощи должно быть дополнено однородным договором между Англией и СССР. Меджлис считал необходимым специальное соглашение Турции с СССР об условиях и способах взаимопомощи в проливах и Черном море [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 166–167].

Далее Меджлис начинал фактически торговлю с Англией об условиях заключения соглашения. Турция требовала обеспечение экономической, финансовой и военной помощи, сроком до 15 лет. Соглашение должно было быть ратифицировано и опубликовано [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 167]. Фактически турецкие руководители дали понять В.П. Потемкину, что речь шла о цене союза Турции и Великобритании. При этом английская дипломатия отказывалась предоставлять какие-либо гарантии. Турция не желала ухудшения отношений с СССР, а основным противником видела Италию. Отдельного внимания заслуживал пункт об обеспечении финансово-экономической помощи, призванный возместить Турции потери от вероятного в условиях соглашения сокращения торговли с Германией [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 175].

30 апреля Потемкин отправил в Москву новую телеграмму о беседе с президентом Турецкой Республики И. Иненю, который констатировал общность интересов Турции, Англии, СССР и Балканской Антанты перед лицом европейских агрессоров. Единство балканских стран подрывали претензии Болгарии на восстановление своей прежней государственной границы 1913 г. Это чрезвычайно беспокоило турецкие власти, предполагавшие, что вслед за возвращением Добруджи Болгария может потребовать часть Фракии и Дедагача, принадлежавших туркам. В.П. Потемкин постарался успокоить турок, заявив, что определенные заверения об этом даны министром иностранных дел Болгарии Г. Кёсеивановым. Он сообщил, что советское правительство в связи с вопросом о Добрудже подготовило проект зондажа Румынии, который воодушевил И. Иненю, Ш. Сараджоглу и Н. Менеменджоглу. Когда они начали обсуждать данный проект, В.П. Потемкин заявил

им, что проект можно осуществить лишь в том случае, если советское правительство будет уверено в достижении соглашения с Турцией о совместном противодействии агрессору; во-вторых, в случае, если удовлетворение территориальных чаяний Болгарии и Румынии обеспечит их деятельное участие в защите от агрессора [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 170–171]. Турецкие участники беседы были таким поворотом разочарованы, поскольку он предполагал подтверждение намерений сторон, закрепленное межгосударственными договоренностями. Продолжая беседу, И. Иненю отметил, что соглашение с Англией мыслится как защита против итальянской агрессии в Средиземном море. Он утверждал, что проливам может угрожать как сухопутная немецкая, так и сухопутная итальянская агрессия, однако Турция берется их защищать в соответствии с конвенцией Монтре. Кроме Англии Турция рассчитывала и на материальную помощь СССР. И. Иненю подчеркивал, что это не может выглядеть как односторонний акт использования советской помощи Турцией, поскольку именно Турция служит общему делу, защищая проливы, которые имеют международное значение. И. Иненю заявил, что в случае нападения на проливы со стороны Германии Турция будет защищать их своими вооруженными силами, не принимая на себя обязательство оказывать помощь союзным государствам в других местах. Он настаивал, что решать вопрос о том, как противостоять потенциальному агрессору, должна сама Турция по своему усмотрению [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 172–173]. В продолжение беседы И. Иненю спросил В.П. Потемкина, в каком объеме и в какие сроки СССР мог бы оказать помощь Турции, на что тот ответил, что необходимо сначала договориться о принципиальных возможностях советско-турецкой взаимной помощи против агрессора. В заключение беседы В.П. Потемкин предложил, чтобы турецкое правительство сформулировало свою позицию в отношении советских предложений Англии и Франции, а советское правительство – в отношении их предложений Турции, чтобы попытаться найти приемлемую для всех формулу [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 173]. Таким образом, для советских дипломатов стала понятна позиция Турции, заключавшаяся в том, что она не собирается участвовать в коллективном отпоре агрессору. За присоединение к антигитлеровскому блоку Турция требовала высокую финансово-экономическую и материальную цену. Это проявилось уже в ближайшие дни, когда В.П. Потемкин получил копии турецких документов с предложениями, направленными Англии и Франции. 3 мая В.М. Молотов отправил В.П. Потемкину инструкцию с разрешением показать текст советских предложений Англии и Франции. В.М. Молотов писал, что идея взаимной помощи Англии и Турции против Италии хороша, но это лишь их дело. Он также положительно оценивал идею взаимной помощи Англии и Турции против германской агрессии на Балканах. Однако он предлагал В.П. Потемкину напомнить туркам, что Румыния не сможет самостоятельно сопротивляться германскому продвижению к Болгарии, а именно Болгария в состоянии создать угрозу Стамбулу с суши. В.М. Молотов рекомендовал В.П. Потемкину настаивать, чтобы турки надавили на румын, а «за нами дело не станет» [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 190–191]. Молотов писал, что если турки не считают нужным заключение пакта взаимопомощи, то и СССР может подождать с этим вопросом. Он просил сообщить мнение турок относительно советского предложения Англии и Франции, а затем незамедлительно покинуть Анкару, поскольку основная цель миссии В.П. Потемкина – зондаж и сбор информации – будет выполнена [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 190–191].

5 мая Ш. Сараджоглу сообщил, что турецкое правительство считало логичным советское требование о расширении или отмене польско-румынского договора. По его словам, он готов был обсудить этот вопрос с Г. Гафенку, если бы за уступку Южной Добруджи Румыния получила бы в качестве компенсации Бессарабию. Турция также хотела бы ограничить

свое участие в общем соглашении в соответствии с ее практическими возможностями. Например, не брала бы на себя обязательств по защите Прибалтики и Польши [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 195–196]. В заключение пребывания В.П. Потемкина его принял И. Иненю. Их беседа свелась в конечном итоге к убеждению советского дипломата в том, что СССР следует проявить великодушие и дать односторонние гарантии своим соседям в Европе и «на худой конец» согласиться на предложенную ему английскую декларацию. В заключение И. Иненю касался высказанного ему мнения В.М. Молотова о том, что угроза проливам, вероятно, «придет с севера через Болгарию и Румынию». Он утверждал, что Англия и Франция обещают многое, но даже при наиболее благоприятном стечении обстоятельств они не смогут удовлетворить все потребности Турции, и ему необходимо знать заранее, чем может помочь СССР. Далее он перечислил советскому дипломату примерный перечень необходимого: возобновление железнодорожного сообщения с СССР через Эрзерум и Сарыкамыш, предоставления «помощи вооружением, живой силой, авиацией и флотом». Также Турция нуждалась в танках, самолетах, артиллерии, грузовом транспорте, самолетах. Стратегическая потребность ощущалась в бензине [АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 209]. На фоне советско-турецких переговоров в Анкару прибыл немецкий посол Ф. фон Папен, который немедленно попытался выяснить характер советско-турецких переговоров. В этой ситуации показательна фраза Н. Менеменджюглу, сказанная им в одном из разговоров с немецким дипломатом: «Мы эгоисты; мы будем сражаться только за самих себя» [Deringil, 2003, p. 6].

Формирование пакта «миролюбивых государств», направленного против итало-германской агрессии, виделось всем заинтересованным сторонам действенным шагом на пути противодействия возможной агрессии. Однако, несмотря на общность политического видения, национальные цели диктовали зачастую противоположные подходы к участию в совместной обороне. Турецкое руководство достаточно справедливо полагало, что новая мировая война неизбежна, однако Турция была к этой войне экономически, морально и политически не готова. Интересы национальной безопасности диктовали заключение оборонительного союза против Италии, в то же время турецкая внешняя торговля была в значительной мере ориентирована на Германию. В этой связи дипломатический зондаж, предпринятый В.П. Потемкиным в Анкаре, продемонстрировал все недостатки турецкой политики формирования военно-политических блоков по периметру Турецкой Республики, призванных обезопасить национальные границы и отдалить от них приближавшуюся войну. Для советского руководства, еще с середины 1930-х гг. испытывавшего недоверие к новой турецкой политике балансирования между крупнейшими мировыми державами, встреча продемонстрировала неготовность турецкого руководства к решительному и безусловному участию в антигитлеровской коалиции.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации [AVP RF – Foreign Policy Archive of the Russian Federation].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Болдырев А.В. Внешняя политика Турецкой Республики накануне Второй мировой войны в публикациях современных турецких исследователей. *Восток (Oriens)*. 2022. № 2. С. 29–39 [Boldyrev A.V. Foreign Policy of the Republic of Turkey on the Eve of World War II in the Publications of Modern Turkish Researchers. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 2. Pp. 29–39 (in Russian)].

Гасанлы Дж. СССР–Турция. От нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М.: Центр пропаганды, 2008 [Hasanli J. *USSR–Turkey. From Neutrality to the Cold War (1939–1953)*. Moscow: Tsentr Propagandy, 2008 (in Russian)].

Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. Т. 1. М.: Политиздат, 1990 [Year of the Crisis, 1938–1939: Documents and Materials. Vol. 1. M.: Politizdat, 1990 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. Т. XV. М.: Политиздат, 1969 [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. XV. Moscow: Politizdat, 1969 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. Т. XVII. М.: Политиздат, 1971 [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. XVII. Moscow: Politizdat, 1971 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. М.: Политиздат, 1973 [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. XVIII. Moscow: Politizdat, 1973 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. Т. XIX. М.: Политиздат, 1974 [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. XIX. Moscow: Politizdat, 1974 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. Т. XX. М.: Политиздат, 1976 [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. XX. Moscow: Politizdat, 1976 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М.: Политиздат, 1977 [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. XXI. Moscow: Politizdat, 1977 (in Russian)].

Наумкин В.В., Скороспелов П.П. Россия / СССР – Турция / Турция: «Дружественный нейтралитет». Цели советской политики на турецком направлении. *Восток (Oriens)*. 2024. № 1. С. 6–24 [Naumkin V.V., Skorospelov P.P. Russia/USSR – Türkiye/Turkey: Legacy of “Friendly Neutrality”. Goals of Soviet Policy towards Turkey. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 1. Pp. 6–24 (in Russian)].

Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). Отв. ред.: Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатьев. М.: Международные отношения, 1999 [Russia and the Black Sea Straits (18th - 20th Centuries). L.N. Nezhinsky, A.V. Ignatiev (eds.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999 (in Russian)].

СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 гг.): Документы и материалы. М.: Политиздат, 1971 [USSR in the Struggle for Peace on the Eve of the Second World War (September 1938 – August 1939): Documents and Materials. Moscow: Politizdat, 1971 (in Russian)].

СССР и Турция, 1917–1979. М.: Главная редакция восточной литературы, 1981 [USSR and Turkey, 1917–1979. Moscow: Glavnaya redaksiya vostochnoy literatury, 1981 (in Russian)].

Deringil S. *Denge Oyunu. İkinci Dünya Savaşı'nda Türkiye'nin Dış Politikası*. İstanbul: Türk Vakfı Yurt Yayınları, 2003.

Esmer A.Ş. *Türk Diplomasisi (1920–1955)*. İstanbul: Yeni Türkiye, 1959.

Esmer A.Ş. *Siyasi Tarih. 1919–1939*. Ankara: Güney Matbaacılık Ve Gazetecilik T.A.O., 1953.

Olaylarla Türk Dış Politikası (1919–1965). Ankara: Sevinç Matbaası, 1965.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Alexander D. VASILYEV, DSc (History), Head, Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.